

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Ослоповских Л. Ф.

NATIONAL CAUSE SEARCH

OSLOPOVSKIN L. F.

Статья посвящена проблемам формирования национальной идеи. Автор рассматривает само понятие национальной идеи, дает его философский анализ. Также подробно анализируется развитие национальной идеи в российском государстве с древнейших времен до сегодняшнего дня.

The article concerns the formation of national cause. The author examines the notion of national cause from the philosophical perspective and analyses the development of national cause in Russia from the earliest times to this day.

Ключевые слова: Национальная идея, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев.

Keywords: national cause, E.A. Ilyin, N.A. Berdyayev, V.C. Solovyev.

УДК 1/14

Несмотря на определенные положительные тенденции, проявляющиеся в последние годы, проблемы и трудности нашего сегодняшнего развития очевидны всем и нет необходимости говорить о них еще раз. Но нельзя не подчеркнуть, что по-прежнему остается открытым вопрос – для чего начинались имевшие такую высокую цену преобразования в нашей стране и что мы все приобрели в результате их осуществления. Часто нам говорят, что мы получили свободу, но даже если согласиться с этим утверждением (хотя и с ним можно поспорить), то для всех очевидно, что сегодня в нашем обществе преобладает «свобода от...», а не «свобода для...». Свобода от ответственности, от чувства долга, свобода от правопослушания, от совести, наконец. Во многом такое положение объясняется неопределенностью духовных и нравственных ориентиров современного периода развития нашего общества. Никто не может внятно сказать, во имя чего продолжают трудности большинства российского населения, к чему мы стремимся, какое общество хотим построить. Понятно, что любая реформа или модернизация общества сопряжены с издержками и трудностями, но люди должны понять, во имя какой цели они идут на жертвы, иначе любые глубокие преобразования общественной жизни обречены на неудачу. В этих условиях понятны продолжающиеся дискуссии о национальной идее России и идейном содержании осуществляемой модернизации нашего общества.

На протяжении всей истории российского государства национальная духовная элита, интеллигенция озадачивалась формулированием национальной или русской идеи. Конечно, поиски национальной идеи – это не чисто русская «забава». Даже в сугубо прагматичных Соединенных Штатах Америки в середине 1950-х гг. президентом Эйзенхауэром была создана так называемая «комиссия ста», в которую вошли высшие представители экономической, политической, военной и культурной элит и перед которыми была поставлена задача: выработать национальную идею для США. Ничего особенно интересного, кроме «американской мечты» и лозунга «Обогащайтесь» из более чем 10-летней работы комиссии, правда, не получилось. Подобные попытки, не в таком, конечно, директивном оформлении, предпринимались и в других странах. Но только в России усилиям по формулированию национальной идеи всегда придавалось такое большое значение, только у нас над этой задачей трудилось такое количество самых выдающихся умов.

Прежде чем рассматривать историю и современность этого вопроса, нужно, наверное, остановиться на трактовке самого понятия «национальная идея». В «Современном философском словаре» это понятие определяется следующим образом: «Национальная идея – систематизированное обобщение национального самосознания в его надвременном бытии, представленное чаще всего в форме социально-философских или общественно-политических текстов, художественных произведений. Соответственно, национальная идея может иметь как рационализированный, так и образнотипизационный способ своего выражения» [1]. Иначе говоря, национальная идея – это, по существу, представление народа (этноса, нации) о самом себе, о своем прошлом, настоящем и будущем. Национальная идея – это мировоззрение нации, и как всякое мировоззрение, она включает в себя представление народа о его происхож-

дении (генетический аспект), о ситуации в настоящем и, самое главное, о смысле существования данного народа, его национальном менталитете и исторической судьбе в будущем. Наверное, можно констатировать, что не все нации, как и не все люди задаются вопросами такой глубокой рефлексии, но большие нации, крупные этносы таким самовопрошанием занимаются обязательно. При формировании национальной идеи определяющими признаются условия формирования нации, ее геополитическое положение. Большую роль играют также религиозные особенности данной национальной группы, потому что в прошлом, в эпоху формирования наций, доминирующим фактором духовной жизни во всех странах была религия. Вероятно, нельзя согласиться с авторами уже упоминавшегося «Современного философского словаря», утверждающими, что «инвариантом национальной идеи всегда является мессианская идея, основанная на тезисе о богоизбранности данного народа, и о его особой роли в истории человечества» [2]. Во-первых, о богоизбранности может говорить не только нация, но и, к примеру, социальная группа или общественная организация, а во-вторых, существуют национальные идеи, в которых ни о какой богоизбранности речи не идет и в которых народ ставит перед собой более скромные задачи. Значения национальной идеи и, соответственно, интерес к ней резко возрастает в переломные или кризисные периоды развития нации. Примером может быть и ситуация в России во 2-й половине XIX века, и в начале XX, и в наши дни. В эти периоды национальная идея из умозрительных, философских, религиозно-мистических размышлений закономерно трансформируется в конкретные политические рекомендации, использующиеся в ожесточенной политической борьбе. На ее основе могут (а, наверное, должны) выработываться практические шаги, направленные на модернизацию общества, методы и средства этой модернизации. К сожа-

лению, российская история нам показывает, что наши политические элиты вспоминают о национальной идее только тогда, когда проведенные уже преобразования наталкиваются на серьезные или даже неразрешимые проблемы. Тем важнее еще раз проследить, как формировалась русская национальная идея, какой вклад в этот процесс внесли великие русские мыслители и каково ее состояние в настоящее время.

Первый шаг в направлении формирования русской национальной идеи был сделан в работе киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати». В ней автор противопоставляет юридическое законодательство нравственным христианским принципам. При этом, несомненно, благодать ставится выше, приоритетнее закона. По существу, сознательно или неосознанно Иларион обосновывает радикальное отличие русской ментальности от менталитета Западной Европы, которая во многом основывается на максиме римского права: «Пусть погибнет весь мир, но торжествует юстиция» (в значении «закон», юридически понимаемая справедливость). Причем Иларион основывает эту особенность российской ментальности на своеобразном, присущем России понимании христианства. Можно сказать, закладываются основы будущего противопоставления православной и католической трактовки христианства в этом принципиальном вопросе.

Одним из важнейших этапов формирования русской идеи становится концепция «Москва — третий Рим», возникшая на рубеже XV—XVI вв. Псковский монах Филофей в ряде посланий московским князьям обосновывает роль России в мировом историческом процессе. Главная идея этой концепции — переход ведущей роли в православии и христианстве от Византии к России. Еще когда существовала Византия, московские князья, например Василий I, претендовали на осо-

бый статус и отказывались подчиняться византийскому императору. Когда же Византия пала под ударами турок-сельджуков, в сознании русских религиозных кругов все больше начала утверждаться мысль, что отныне «богоизбранным царством» становится Московское княжество, призванное сохранять традиции подлинного христианства, православия. Появилась легенда «о Белом клобуке», в которой утверждалось, что именно русская церковь самим Богом избрана хранительницей истины Христовой. Большую роль в формировании концепции сыграло пророчество пророка Даниила о четырех царствах. Под четвертым царством понималось «Царство Божье на земле». Обозначение первых двух царств тоже было очевидно — это Римская и Византийская империи. Оставалось определить, какое царство являлось третьим. Русская православная церковь отвела эту роль Московскому княжеству. Отсюда знаменитая формула Филофея: «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». Два первых царства Рим и Византия пали, потому что не сохранили чистоты христианской веры, изменили подлинному православию. Теперь на третий Рим — Москву, на московских князей и православную церковь ложится тяжелое бремя сохранять и защищать основы истинного христианства. Перед русскими московскими князьями Филофей, по существу, ставит две задачи: с одной стороны, добиваться распространения православия или истинного христианства на нехристианские народы России и всего мира (миссионерская функция), а с другой стороны — защищать чистоту Христова учения и выводить другие народы и все человечество на истинный Божий путь (мессианская цель). Кроме этого, Филофей ставит перед русскими князьями задачу покровительства православной церкви, прямого вмешательства княжеской власти в религиозную жизнь. Эти рассуждения Филофея создали две первые фундамен-

тальные составляющие русской идеи: 1) те или иные мотивы мессианской роли России (если так можно выразиться, в мягкой или жесткой форме); 2) особая роль российского самодержавия, которое самим небом призвано активно участвовать в делах церкви и, по существу, в контроле над ней, а через нее и над всем российским обществом. Эти идеи получили дальнейшее развитие на следующем этапе формирования русской идеи в трудах идеологов славянофильства.

Славянофилы заложили основы самостоятельной философской мысли России [3]. И естественно, что они не могли не заниматься вопросами русского национального самосознания и формирования русской национальной идеи. Их вклад в этот процесс, на наш взгляд, связан, прежде всего, с центральным понятием славянофильства — соборностью. Главное внимание этому понятию уделил один из идеологов славянофильства А. Хомяков. К решению философских вопросов он подходил исходя из религиозного сознания. Поэтому понятие «соборность» имело у него, прежде всего, религиозный смысл. Но в национальную идею оно вошло в более широком философском значении. Именно к философии и к менталитету русского народа относится характеристика соборности, данная другим русским философом С. Франком: «Мы-философия у нас, и Я-философия на Западе». Анализируя историю человечества, А. Хомяков приходит к выводу, что ее движущей силой является конфликт двух культур: народов завоевательных и народов земледельческих. Эти культуры порождают два духовных начала, которые А. Хомяков называет кушитством и иранством. Кушитство характеризует завоевательные народы; иранство — земледельческие. Символ веры в стихии иранства — Божество в виде свободной личности. В кушитстве даже Божество подчиняется необходимости. Так как кушитство основано на подчинении необходимости, на дисциплине,

то оно создает более сильное, мощное государство (Вавилон, Египет, Китай). Поэтому в политическом плане торжество кушитства неизбежно. Христианство, по А. Хомякову, — это попытка противостоять мировому кушитству. Попытка в общем-то успешная, но кушитство, с одной стороны, перешло в логику философских систем, особенно в философию Гегеля, а с другой стороны, проникло в само христианство. Проявлением такого проникновения стал католицизм, в котором, по мнению А. Хомякова, духовная свобода христианства была подчинена государственному регулированию и сухой догматике. Как реакция на католицизм возникает протестантизм, который в стремлении к свободе верующего разрушает целостность христианской церкви. Но только церковь в целом (а не личность, не авторитет) является носителем христианской истины. «В католицизме Хомяков находит единство без свободы, а в протестантизме свободу без единства» [4]. И только православие смогло избежать крайностей, сохранило единство свободы и целостности, оставаясь верным заветам первоначального христианства. Это сущностное достоинство православия и выражено в понятии «соборность». Принцип соборности означал для А. Хомякова, что «истина христианского догмата не зависит от сословия иерархов; она хранится всею полнотою, всею совокупностью народу, составляющего церковь, которая есть тело Христово» [5]. В более широком философском смысле соборность — это свободное единение, духовный коллективизм на основе базовых социальных ценностей. С. Булгаков определял соборность как «нахождение себя в единении с другими». «Соборность — духовное единение людей непосредственно друг с другом вне диктатов всяких государственных и политических структур» [6]. Именно в таком широком толковании идея соборности вошла в состав русской идеи, характеризуя фундаментальное качество русско-

го и российского менталитета. В дальнейшем идея соборности была еще существенно усилена в работах представителей русского космизма. Один из его основоположников Н. Федоров главное несовершенство современного ему мира видел в небратских, в несоборных отношениях. Поэтому и будущее человечество, в котором человек сможет освоить космос и даже победить смерть, Н. Федоров видел в братском, соборном единении людей. Соборность подчеркивала, что в единстве, единении каждая личность, народ, нация сохраняют свою самобытность, своеобразие, приверженность национальным традициям, менталитету. По существу, с разработкой понятия соборности заканчивается оформление основного смыслового ядра русской национальной идеи, особая миссия русского народа в мировой истории и отличная от Запада коллективистская ментальность русского характера. Духовный коллективизм при этом понимается как будущее всего человечества. «Истинная будущность человечества, над которой нам предстоит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее из вселенского отечества, чрез непрестанное моральное и социальное сыновство» [7].

Как понятие, термин «русская идея» впервые озвучил В. Соловьев в своем одноименном докладе, прочитанном и опубликованном в 1888 г. в Париже. В этом выступлении В. Соловьев довольно резко критикует мессианское прочтение русской идеи. С его точки зрения, «идея нации не есть то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [8]. Иначе говоря, В. Соловьев утверждает, что русская идея – это не самомнение русского народа, а «органическая функция, которая возложена на ту или иную нацию в этой вселенской жизни» [9]. Поэтому русская идея для В. Соловьева заключается в стремлении дать ответ на вопрос «о смысле существования России во всемирной истории» [10]. В. Соловьев исходит из реального единства человеческого ро-

да, поэтому жизнь каждого народа представляет собой определенное участие в общей жизни человечества. «Участвовать в жизни вселенской церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих – вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа» [11]. В том числе и русского. Такое предназначение, как считает В. Соловьев, в принципе противоречит любой идее исключительности какой-либо нации, в т. ч. и мессианской. Русская православная церковь тем более, по мнению В. Соловьева, не может претендовать на роль спасительницы христианства, т. к. она сама в огромной степени заражена государственным регулированием, полицейщиной и несвободой. Каким же образом Россия может способствовать укреплению христианской цивилизации, по существу, торжеству соборности в мире? В других своих работах В. Соловьев проводит мысль о том, что предназначение России — способствовать сближению Запада и Востока, синтезу западного материального благополучия и восточной духовности. Обе составляющие русской национальной идеи в несколько смягченной форме все же представлены и в трактовке В. Соловьева: особая роль России в мировой истории и принцип соборности или всеединства, торжеству которого в человеческом сообществе должна всеми силами способствовать Россия.

Пожалуй, наибольшее внимание разработке темы «русская идея» уделено двумя русскими мыслителями конца XIX — первой половины XX вв. Н. Бердяев и И. Ильин. Н. Бердяев использовал для формулирования своего понимания русской идеи огромный исторический, социологический, этнопсихологический материал. И. Ильин больше опирался на православные традиции и религиозный опыт. Русская идея у Н. Бердяева и национальная идея у И. Ильина являются двумя попытками ответить на вопрос о на-

циональном характере русского народа, об исторической судьбе и будущем России. В этих попытках много общего, поэтому логично изложить их в сравнительном анализе, но есть и принципиальные отличия. Общим для обоих мыслителей является подчеркивание определяющей роли православия при формировании русского национального характера и русской национальной идеи. Показательны в этом смысле слова Н. Бердяева, под которыми вполне мог подписаться И. Ильин: «Русский народ — религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим. Русский атеизм, нигилизм, материализм, приобретают религиозную окраску. Русские люди из народного трудового слоя, даже когда они ушли от православия, продолжали искать Бога и Божьей правды, продолжали искать смысл жизни» [12]. Но если Н. Бердяев сравнительно терпимо относится к неверующим и атеистам (у него даже есть высказывание, что атеисты могут быть более нравственными, чем верующие), то для И. Ильина только верующий христианин может быть духовной личностью, моральным гражданином. Это не носит характера нетерпимости, но определяется довольно жестко. Оба мыслителя считают русское национальное сознание эсхатологическим и мессианским. Но при этом подчеркивается, что мессианская идея в России не приводит к стремлению господствовать и указывать путь, а подчеркивает духовное своеобразие русского народа и высокое предназначение этой духовности стать примером для других народов. Примером не навязываемым, а свободно принимаемым. Эсхатологичность в России носит не трагический, а светлый характер, в ней преобладает не ощущение конца мира и гибели, а стремление и надежда на всеобщее спасение. «Русская идея эсхатологическая, обращенная к концу. Отсюда русский максимализм. Но в русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему

спасению» [13]. Соборная духовность как существенная черта русского национального характера тоже объединяет позиции двух русских философов. Оба убеждены, что русским не присущи расчетливость и прагматизм. Правда, Н. Бердяев считает это скорее достоинством, чем недостатком, а И. Ильин больше уделяет необходимости воспитания почтительного отношения к собственности. Н. Бердяев отрицательно относится к любым формам объективации, которые ограничивают свободу, в т. ч., и к собственности. И. Ильин же пишет: «Иметь частную собственность и проистекающую из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо» [14], и именно в таком направлении надо воспитывать новое поколение. В контексте предыстории русской идеи для Н. Бердяева в прошлом России ближе принципы Нила Сорского и нестяжателей, а для И. Ильина — Иосифа Волоцкого и иосифлян (стяжателей). И характерной чертой русского национального самосознания и русской идеи Н. Бердяев, и И. Ильин считают общинность или, как говорит Н. Бердяев, коммюнитарность. Но и здесь есть определенные нюансы. Н. Бердяев относится к коллективизму с большой симпатией, выделяя коммюнитарность как достоинство русского народа по сравнению с христианами Запада. И. Ильин относится к общинности более сдержанно. Во многом это, очевидно, связано с тем, что И. Ильин, как и Н. Бердяев, видел связь общинного духа русского народа с победой коммунистической революции в России, которую И. Ильин безо всяких оговорок не приемлет.

Оба признают двойственность, поляризованность в качестве характерной черты русского национального характера (И. Ильин при этом подчеркивает, что не только русского). «Нужно помнить что природа русского человека очень поляризованная. С одной стороны — смирение, отречение; с другой стороны — бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной

стороны — сострадательность, жалостливость; с другой стороны — возможность жестокости; с одной стороны — любовь к свободе, с другой стороны — склонность к рабству» [15]. «Таков современный культурный кризис. Это кризис нецельного духа расколотого, расщепленного человека» [16]. Но в оценке двойственного человека тоже проявляются существенные расхождения. Если Н. Бердяев, не чуждый диалектическому мышлению, относится к этой двойственности с определенным сочувствием, то И. Ильин, который и в Г. Гегеле усматривает больше мистическое озарение, чем диалектику [17], видит в ней отрицательное явление, с которым надо активно бороться. Он считает, что двойственность, расколотость, которая присуща и западному, а не только русскому человеку, должна быть радикально преодолена. И русскому национальному характеру, как считает И. Ильин, это будет сделать и легче и органичнее, т. к. в нем сохранился духовный центр цельного человека, под которым он понимает религиозную веру.

Более серьезное различие во взглядах Н. Бердяева и И. Ильина, оказалось в трактовке, казалось бы, отвлеченного вопроса — это соотношение универсальных социальных ценностей, таких как любовь и свобода. Оба признают взаимосвязь и взаимозависимость этих понятий, но Н. Бердяев явно отдает предпочтение свободе, а И. Ильин — любви. «Несотворенная свобода», по Н. Бердяеву, предшествует не только человеку, но даже Богу. Именно из нее из хаоса Бог творит бытие. Свобода — это главное достоинство человека, основа бердяевской антропологии (оправдания бытия человека в мире). И. Ильин считает, что свобода без любви — это соблазн «даровать народу политическую свободу — иногда значит ввести его в искушение и поставить его на путь гибели» [18]. (Весьма вероятно, что это высказывание И. Ильина актуально не только для начала XX в., но и для на-

шего времени, и для нашей страны). Актуальность проблемы соотношения свободы и любви для нашего сегодняшнего развития объясняется тем, что от вопроса о приоритетности одной из этих двух ценностей, на наш взгляд, зависит выбор пути развития России. Для российского менталитета предпочтительной представляется позиция И. Ильина.

Отношение к ценности свободы существенно повлияло на оценку обоими философами таких важных в нашей истории событий, как революции 1917 года. Отдавая приоритет свободе, Н. Бердяев считает, Февральскую и Октябрьскую революции неизбежными и необходимыми, т. к. они расчищают место для строительства нового общества. В то же время эти революции являются результатом проявления свободы без любви. Н. Бердяев считает даже приход к власти коммунистов в определенном смысле закономерным для России. «Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей» [19]. И. Ильин абсолютно не приемлет Октябрьского переворота (в этой терминологии) и считает его совершенно неорганичным для русского национального характера и противоположным русской национальной идее. Поэтому Н. Бердяев полагает, что надо двигаться от свободы хаоса и произвола, порожденной революцией и характерной для сталинского режима, к более высоким уровням свободы. А И. Ильин уверен, что надо вернуться назад к модернизированной монархии, а революции вычеркнуть из истории как кошмар, правда, не забывая ее уроков. В этой связи примечательна оценка двух личностей этих революций. Н. Бердяев довольно высоко оценивает лидера социалистической революции В. Ленина. «Ленин был замечательным теоретиком и практиком революции. Это был характерно русский человек с примесью татарской крови» [20]. И. Ильин тоже сравнительно высоко оценил лидера национал-

социалистической революции в Германии А. Гитлера, который, по его мнению, спас Германию и всю Европу от угрозы большевизма. Пожалуй, отношение к революции в России в наибольшей степени отличает позиции двух наших философов.

Еще одно расхождение между ним, тоже, в какой-то мере, связано с различной трактовкой приоритетности свободы и тоже достаточно актуально для нас сегодня. Это отношение к государству, армии. Культ свободы у Н. Бердяева логично приводит его в основном к настороженному, если не отрицательному отношению и к одному, и к другому. «Русский народ, по духовному своему строю, не империалистический народ, он не любит государство» [21]. И в другом месте: «Народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государство и власти и устремлен к другому» [22]. Эти цитаты показывают, каково отношение к государству со стороны народа, но, очевидно, что взгляды Н. Бердяева на этот вопрос не сильно отличаются. И. Ильин последовательный государственный. И если Н. Бердяев считает русский народ почти анархистом, то И. Ильин подчеркивает органичность государственного сознания для русского народа, выводя это, в частности, и из общинности, и из духовности национального характера. Очень высоко он оценивает и значение армии. «Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, родина остается без обороны, государство распадается, и нация сойдет с лица земли» [23]. (В такой оценке И. Ильина не останавливает пример даже Швейцарии, в которой он прожил последние 16 лет своей жизни).

Подводя итог, можно констатировать, что Н. Бердяев и И. Ильин разделяют основные положения русской национальной идеи и предлагают начать возрождение российского государства на основе соборности и преимуществ православного христианства. И этот путь принципиально отличается от того, что нам навязывалось в начале

1990-х годов. Время было переходное, и, естественно, что интерес к русской идее пережил в конце XX в. в России настоящий Ренессанс.

Одной из первых появилась работа Д. Ильина «Русская идея на полигоне "демократии"». Главный лейтмотив этой работы — «русская идея жива» [24]. Содержание русской идеи тоже понимается весьма традиционно: православие, соборность и авторитарная власть. Самобытность России — в приоритете духовности над материальностью. «Духовность — стержень русского национального собора» [25]. Этот стержень, по мнению автора, постоянно подвергается давлению Запада, который в принципе основан на других ценностях. «Западный шовинизм — это безудержное и агрессивное проникновение духа **материи и коммерции** в поры мировой жизни» [26]. В том числе и в России. Именно этим проникновением Д. Ильин объясняет все смуты революции в России на протяжении последнего полутысячелетия. Назвать это очень глубоким анализом, наверное, нельзя. В этом смысле гораздо убедительней выглядит позиция Н. Бердяева, который русский коммунизм трактовал как извращение русской национальной идеи. Отвечая на вопрос о том, что же нам делать, И. Ильин, по существу, предлагает начать реализацию русской национальной идеи в ее традиционной трактовке, причем «выход из затянувшегося 70-летнего кризиса должен быть плавным, последовательным и долгим» [27]. Идею необходимости авторитарной власти и укрепления православия нынешняя политическая элита, похоже, вполне восприняла (хотя бы потому, что это не противоречит и ее интересам). Что касается соборности, то «дух материи и коммерции» ее сегодня явно побеждает, и возможна ли в этом случае реализация русской идеи — очень большой вопрос. То же относится и к продолжительности выхода России из кризиса. Плавность и последовательность вполне можно

принять, но не надо забывать, что некоторые весьма информированные «друзья» на Западе, например, З. Бжезинский, который публично предсказал распад Советского Союза и даже довольно точно описал сценарий этого события за 20 лет до его реализации, предупреждают исчезновение России в ее современных границах к 2015—2020 гг.

В последнее время в связи с русской идеей в определенных патриотических кругах популярна концепция «Пятой империи». Имеются в виду Рим, Византия, царская Россия, СССР и СССР-2. Предполагается возродить мощное государство на традициях русской идеи с существенным усилением имперской составляющей. Здесь, наверное, уместно сказать несколько слов в рамках продолжающейся дискуссии об «имперских амбициях» России. Мы уже высказывались по этому вопросу [28]. Сейчас хотелось бы сказать о чисто экономических аргументах, не касаясь традиций и менталитета. Нам представляется, что Россия может сохраниться как самостоятельное государство, только не забывая о своем имперском предназначении. В противоположном случае, ей очень скоро просто не дадут возможности распоряжаться собственными сырьевыми ресурсами. «Пристрелки» в этом смысле произво-

дятся уже и сейчас, о чем, в частности, говорят слова бывшего госсекретаря США М. Олбрайд, которая заявила, что несправедливо, когда такими огромными ресурсами распоряжается одна страна. Что же касается проекта «Пятой империи», то, как и многим другим исследователям, он представляется нам довольно утопическим. Особенно в контексте тех событий, которые сейчас происходят в стране и в мире. В блестящей работе А.С. Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире» (М. 2002) подробно и основательно показывается, как идет процесс разрушения тех основ, на которых могла бы быть реализована русская идея, как происходит уничтожение и соборности, и духовности в российском, русском народе. И убедительно доказывается, что в современной России нет общественных сил, способных повернуть этот процесс вспять. Работа в целом заканчивается оптимистично, т. к. автор верит что «Бог не оставит Россию». Во что в этом случае верить неверующим и атеистам — непонятно, да и сам А.С. Панарин, по существу, отрицает для них возможность участвовать в строительстве будущей глубоко православной России (не говоря уж о представителях других конфессий).

Примечания

1. Современный философский словарь. М., Бишкек, Екатеринбург, 1996. С. 313.
2. Там же.
3. Цит. по: Хомяков А.С. Соч. в 2 т. М., 1994. С. 7.
4. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 54.
5. Цит. по: Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб., 1994. С. 100.
6. Российская цивилизация: пособие для вузов. М., 2003. С. 235—236.
7. Соловьев В.С. Русская идея. Библиотека «Вехи». М., 2001. С. 12.
8. Там же. С. 1.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 5.
12. Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков, М., 1999. С. 239.
13. Там же. С. 240.
14. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 286.

15. Бердяев Н.А. Русская идея. С. 241—242.
16. Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 316.
17. См. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994.
18. Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 178.
19. Бердяев Н.А. Русская идея. С. 236.
20. Там же. С. 237.
21. Там же. С. 206.
22. Там же. С. 240.
23. Ильин И.А. Путь к очевидности. С. 178.
24. Ильин Д. Русская идея на полигоне «демократии» // Наш современник. 1991. № 3. С. 28.
25. Там же. С. 17.
26. Там же. С. 18.
27. Там же. С. 27.
28. См. Ослоповских Л.Ф. Еще раз об особенностях российской и советской «империи» // Социально-политические и правовые механизмы реализации прав человека в полиэтничном сообществе: материалы регион. науч-практ. конф. Сочи, 2008. С. 60—62.

Сведения об авторе: Ослоповских Леонид Федорович, канд. философ. наук, доцент кафедры философии и политологии СГУТиКД (Сочи).
E-mail: solus46@mail.ru.